

©

Минина Ю.Д.
ИБКА РГГУ

ТРАДИЦИЯ ЧЕРНЕНИЯ ЗУБОВ И ЖЕВАНИЯ БЕТЕЛЯ ВО ВЬЕТНАМЕ: ИСТОРИЯ, СМЫСЛЫ, СИМВОЛИКА

Практика чернения зубов уходит корнями в глубокую древность и широко распространена у народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также Океании и Мадагаскара. Подобные обычаи бытуют и в регионах, отдаленных от азиатского, как в культурном, так и в географическом плане. Ярким примером может послужить традиция окрашивания зубов у индейцев Западной Амазонии¹.

Нередко практика видоизменения зубов (окрашивание, подпиливание, частичное удаление, покрытие лаком и др.) обнаруживает тесные связи с обычаями применения психотропных стимулянтов растительного происхождения, таких как бетельная жвачка. Обе эти традиции – модификация зубной системы и использование легких жевательных наркотиков – образуют сложный и до сих пор малоизученный культурно-социальный комплекс, раскрывающий специфику отношения члена традиционного общества к своему телу, противоположному полу, социуму и, наконец, миру вообще с его подразделениями на страну живых и страну мертвых, царство человека и царство зверей.

Несмотря на то, что обычай чернения зубов и практика жевания бетеля являются неотъемлемой частью культуры народов Вьетнама и связаны с широким спектром историко-культурологических и этнографических вопросов, данная тема довольно скудно освещена российскими востоковедами. Вопрос использования вьетнамцами бетельной жвачки поднимался в работе Я.В. Чеснова «Историческая этнография Индокитая»², а также в сборнике «Календарные обычаи и обряды стран Юго-Восточной Азии», подготовленный под редакцией Р.Ш. Джарылгасиновой и М.В. Крюкова³. Отметим, что в этих исследованиях телесным практикам вьетнамцев, связанным с чернением зубов, не было уделено должного внимания.

В 2015 г. увидел свет 5-й выпуск Маклаевского сборника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, целиком посвященный теме жевательных стимуляторов в ритуале и мифологии народов мира, что является огромным шагом вперед и важнейшим подспорьем для российских исследователей в плане изучения соответствующих аспектов культуры традиционных обществ⁴. Однако и в рамках этого обширного труда не было предпринято попытки комплексного и систематизированного исследования традиции чернения зубов и жевания бетеля во Вьетнаме.

Западные исследователи в последние годы проявляют заметный интерес к практикам окрашивания зубов у народов Юго-Восточной и Южной Азии. Примером служат работы британского культурного антрополога Т. Дж. Цумбройха⁵.

Цель настоящей работы – осветить ранее не рассматриваемые отечественными учеными аспекты традиции чернения зубов и жевания бетеля у народа *кинъ*, т.е. собственно вьетнамцев. В этом контексте будут затронуты такие темы, как функция бетеля в ходе свадебных обрядов, восприятие идеала женской красоты, символика цвета применительно к образу вьетнамской женщины в народной культуре и другие проблемы, связанные с особенностями телесных практик вьетнамцев. Данное исследование опирается на ряд источников эпохи французской колонизации Вьетнама (1887–1954), памятники традиционной вьетнамской литературы и устную поэтическую традицию, результаты этнографических исследований XIX–XXI вв., а также материалы, полученные в ходе российско-вьетнамской лингвистической экспедиции в 2008 г. и полевой командировки в Северный Вьетнам в 2013 г.

Технологии окрашивания зубов, а также их модификаций у народов мира зависят не только от исторически закрепившихся традиций, но и от материалов, пригодных для осуществления соответствующих практик, и, как следствие, варьируются в различных регионах. Так, в Южной Азии чернение десен и зубов у мусульманских народов в течение сотен лет производилось при помощи специального вещества, которое носит

название *missī*. По своему составу *missī* представляет собой порошок, приготовленный из смеси железа, сульфата меди, вытяжки из растений, содержащих танины, и различных ароматизаторов. У населения Восточных Гималаев, Непала, а также восточных и северо-восточных штатов Индии распространен обычай окрашивания зубов с помощью древесной смолы, а также жевания некоторых стимулянтов растительного происхождения с аддиктивными свойствами, что в культурном и техническом плане очень сходно с традицией чернения зубов в Юго-Восточной Азии⁶.

Использование тех или иных психотропных стимулянтов с целью достижения определенных физиологических эффектов и эмоциональных реакций также напрямую зависит от особенностей флоры и фауны того или иного региона. Населению Южной Индии, как и народам Вьетнама, издревле была известна бетельная жвачка, которую готовили из кусочков семян пальмы арека катеху (*лат. Areca catechu*) и листьев растения бетель (*лат. Piper betl*). Оба эти компонента предположительно были завезены на континент из Индонезии в середине II тыс. до н. э.⁷ Во Вьетнаме сложилась традиция приготовления жевательного наркотика на их основе. И листья бетеля, и семена арековой пальмы обладают тонизирующим, возбуждающим эффектом, их частое употребление вызывает привыкание. Кроме того, семена ареки катеху стимулируют слюноотделение и окрашивают слюну в красный цвет. Жвачку употребляют вместе с гашеной известью, которая добавляется для того, чтобы сохранить активные вещества, содержащиеся в бетеле и семенах арековой пальмы, и позволить им проникнуть в кровеносную систему сублингвально, то есть посредством всасывания через слизистые оболочки рта.

В Полинезии и Микронезии широко распространена традиция употребления опьяняющего напитка кава, который готовят из сока корней растения *Piper methesticum*, разбавленного водой. Вещества, содержащиеся в этом растении, – флавокавины и кавалактоны – оказывают воздействие на лимбическую систему, вызывая чувство эйфории и расслабления, а также способствуют более легкому и приятному общению⁸. В культуре народов Западной Африки (ашантийцев, бини, йоруба, игбо,

эве и др.) функции важнейшего стимулятора и лекарственного средства выполняют орехи кола (*лат.* Cola), содержащие кофеин, теобромин и коланин, сочетание которых обуславливает возбуждающее действие плодов этого растения на организм человека⁹.

Примечательно, что у некоторых народов традиция окрашивания зубов не имеет очевидной связи с привычкой употребления стимуляторов и/или релаксантов, в то время как для значительной части населения Юго-Восточной Азии практика видоизменения зубов имеет тесные коннотации с применением психотропных веществ, как в культурно-символическом, так и в техническом плане.

В отличие от российских исследований, посвященных телесным практикам вьетнамцев, труды зарубежных авторов гораздо более обширны и многочисленны, что вполне закономерно и объяснимо. Вьетнам, попавший в колониальную зависимость от Франции более чем на 80 лет, а затем ставший мишенью геополитических интересов США, привлекал широкий круг западных исследователей самого различного толка, начиная от путешественников-любителей и заканчивая выдающимися учеными.

Самые ранние работы французских авторов, посвященные изучению практики чернения зубов и жевания бетеля во Вьетнаме (в то время Французском Индокитае, состоящем из Тонкина, Аннама и Кохинхины), относятся к последним десятилетиям XIX в. Представляющие для нас интерес описания, с одной стороны, проникнуты презрительным отношением и даже омерзением к этим «варварским» обычаям, а с другой – содержат ряд ошибочных выводов и фактических неточностей. Так, например, П. д'Энжой отмечал, что вьетнамцы используют для чернения зубов обгоревшие кости животных и мед¹⁰. Никаких подтверждений этому описанию практики окрашивания зубов во Вьетнаме до сих пор не найдено.

В 2007 г. был подготовлен сборник «Русские во Вьетнаме», в который вошли очерки и путевые заметки ряда путешественников, военных и писателей, сделанные во второй половине XIX – начале XX в.¹¹ Несмотря на то, что описания вьетнамцев, их внешнего облика и обычаев в этих очерковых статье-

ях, как правило, обрывочны, лишены системы и нередко проникнуты все теми же насмешливо-уничижительными оценками «цивилизованного» европейца, они представляют огромную ценность для исследований, подобных этому. Особого внимания заслуживают очерки К.М. Станюковича (1863), книга Г.Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство» (1898) и, несомненно, дневниковые записи русского князя К.А. Вяземского (1852–1904), сделанные им во время путешествия по Азии верхом (1892). Путешествие было предпринято князем в 1981 г. с целью проехать через Сибирь и Китай в Сиам. Поездка заняла два с половиной года; К.А. Вяземский успел посетить Китай, Сиам, Вьетнам, Камбоджу, Бирму, Индию и Тибет. Практически каждый день князь делал путевые заметки, подробно описывая обычаи, язык, материальную культуру, города и административное устройство стран, в которых ему довелось побывать¹². Обо всех своих предыдущих путешествиях Вяземский докладывал Французскому географическому обществу, которое оказывало ему всестороннюю поддержку. Что касается путешествия по Азии верхом, то в отличие от французских ученых, российские специалисты посчитали идею Вяземского авантюрой, что не в последнюю очередь было связано с репутацией князя в высших кругах. Русское географическое общество отказало Вяземскому в поддержке, а также впоследствии отвергло его труды по географии и картографии Востока. Между тем, материалы, собранные этим русским путешественником, уникальны.

Что касается оценки традиции видоизменения зубов, принятой у вьетнамцев, то резко отрицательное отношение к необычным культурным практикам не-европейских народов весьма характерно для западного общества. И по сей день созвучные идеи в явной или завуалированной форме высказываются европоцентристами, которые склонны рассматривать телесные модификации в традиционных обществах как признак неразвитости и женской дискриминации¹³.

Между тем, удивление и неприязнь европейца в конце XIX в. по отношению к черненым зубам вполне объяснимы. Черные как уголь зубы ассоциировались у западного человека с недугом, грязью и старостью, ведь темный цвет зубная эмаль

приобретает вследствие болезней и возрастных изменений. Практики чернения зубов, бытовавшие в Европе XVI в., колонизаторами были уже забыты и воспринимались как пережиток далекого прошлого. Об этом свидетельствуют описания двора царя Алексея Михайловича, сделанные английским доктором Самуилом Коллинсом в середине XVII в. Англичанин описывает обычай, некогда перенятый русской знатью у европейцев, в стиле колонизаторских записок того же Вьетнама или Камбоджи: «Они чернят свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят чернильные мушки на лице: зубы их портятся от ртутиальных белил, и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотой сущее безобразие. <...> И в самом деле, их безумие так велико, что никакая антикирская чемерица (*лат.* Anticyra) не может от него избавиться»¹⁴.

Обычай употребления бетеля также показался европейцам весьма неприглядным: как было сказано выше, полюбившаяся вьетнамцам жвачка стимулирует повышенное слюноотделение и вызывает постоянное желание сплюнуть. При этом семена ареки, входящие в состав смеси, придают слюне ярко-красный цвет. Не трудно представить, какие ассоциации у европейцев вызывали кроваво-красные плевки, усеивающие улицы вьетнамских городов и деревень.

«Местный народ ходят нагие, как и в Сингапуре, но только здесь носят на голове широкие шляпы, как зонтики. Во рту у них имеется какой-то состав в виде крови; часто плюют», – писал казак Г.Т. Хохлов о вьетнамцах в 1898 г. – «Базар и все улицы оплеваны; можно подумать, что какое-нибудь животное, крепко раненое, бежало здесь и облило кровью»¹⁵.

Замечание другого русского путешественника, известного писателя К.М. Станюковича, из его беллетризованных очерков «Французы в Кохинхине» (1863) также содержит неточность в описании традиции жевания бетеля: «Полное незнакомство с европейцами (ибо католики-миссионеры европейского с собой ничего не приносят) заставило аннамита смотреть на материальное довольство слишком ограниченно: небольшая, построенная на столбах хижинка, крытая сухими широкими тропическими листьями, несколько рису, соленой рыбы и вечная жвач-

ка древесной коры, делающая его губы совершенно красными, – вот и все, что нужно аннамиту...»¹⁶.

Здесь мы не будем комментировать безосновательное утверждение о том, что миссионеры не привнесли ничего европейского в жизнь вьетнамцев, отметим, лишь следующее: древесная кора не входила ни в один из распространенных во Вьетнаме рецептов приготовления бетельной жвачки.

Ключевой и едва ли не самый интересный момент описаний первых исследователей Вьетнама заключается в еще одном весьма спорном заключении. Практику чернения и лакирования зубов в принципе зачастую путали с обычаем жевания бетеля и смешивали обе традиции, считая первое прямым следствием второго. Дело в том, что негашеная известь, входящая в состав бетельной жвачки и помогающая стимулирующим веществам попасть в кровь человека, разрушает эмаль зубов. Таким образом, краситель неизменно попадает в микротрещины в зубной эмали и придает нечерненным зубам определенный цвет, что также можно принять за последствия практики целенаправленного окрашивания.

То обстоятельство, что вьетнамцы, практиковавшие жевание бетеля, покрывали зубы специальным составом не только из эстетических соображений, а также в ходе ритуалов, воплощавших социальные идеи и нормы, но и с целью уберечь зубы от воздействия извести, стимулировал развитие довольно ограниченного понимания функций данной традиции. Утилитарное значение практики чернения зубов вышло на первый план, в то время как другие важнейшие ее функции – ритуальная, этноидентифицирующая, социально-маркирующая, эстетическая – оказались в стороне. Важно понимать, что обе традиции – употребление бетеля и чернение зубов – имеют тесные связи, но, тем не менее, могут практиковаться и отдельно¹⁷.

Здесь не лишним будет обратиться к хорошо описанным примерам практики чернения зубов у других азиатских народов, которая содержит в себе ряд важных социально-идентифицирующих и эстетических смыслов, но не имеет связи с традицией употребления окрашивающих и/или разрушающих зубную эмаль стимулянтов. Подобный случай характерен, например, для японских островов. В Японии традиция окраши-

вания зубов в черный цвет носит название *охагуро* (お歯黒), буквально «черные зубы». Практика *охагуро* была распространена начиная с периода Хэйан (794–1185) среди членов императорской семьи и аристократии – как мужчин, так и женщин вплоть до начала XX в.¹⁸ В наши дни черненные зубы в Японии можно встретить лишь у гейш и их учениц.

Традиция *охагуро* являлась важной частью ритуала совершеннолетия – *гэмпуку*. Практическое значение чернения зубов в Японии заключалось в том, что наносимый лак помогал сохранить зубы крепкими и относительно здоровыми. При этом японские авторы отмечают глубокую символическую функцию этого обряда. Стойкость черной краски на зубах женщины уподоблялась ее постоянству и верности супругу¹⁹. К тому же, белые зубы с выдающимися клыками с одной стороны ассоциировались у японцев с хищным, звериным оскалом, а с другой приравнивались к оголению тела и внутренностей, что было неприемлемо для благочестивой женщины. Чернение зубов являлись важным элементом канона женской красоты. При этом тьма, полностью занимавшая полость рта, оттеняла белизну девичьего лица, символизируя мрак вообще, т.е. проявление природы Инь – женского начала²⁰.

Что касается территории современного Вьетнама, то здесь традиции чернения зубов и жевания бетеля известны, по меньшей мере, со времен Донгшонской цивилизации (I тыс. до н.э.)²¹. При этом техника нанесения окрашивающего состава обращает на себя внимание своей сложностью и даже изысканностью. Интересующие нас обычаи нашли отражение в мифологии и фольклоре не только титульной нации, но и ряда малых народов Вьетнама – кхмеров, тямов и др.²².

О наиболее ранних свидетельствах практики употребления листьев бетеля и семян ареки катеху во Вьетнаме позволяют судить археологические находки, относящиеся к культуре Сахюинь (существовала в центральной и южной частях Вьетнама в период 1000 г. до н. э. — 200 г. н. э.), а также к культуре Донгшон в дельте Красной реки (район Нуйнап)²³. На большей части останков зубов из области Нуйнап были обнаружены следы окрашивающего вещества темно-красного цвета.

Многоэтапный анализ ископаемых останков, датируемых серединой III – началом II тыс. до н.э., выявил наличие нарушений целостности зубной эмали. Эмаль была повреждена в процессе ее целенаправленного разъедания и протравливания при помощи некоего раствора. Кроме того, были найдены следы красителя растительного происхождения, схожего с окрашивающим веществом, который содержится в семенах ареки катеху²⁴. Это дает основание утверждать, что предки вьетнамцев могли использовать семена арековой пальмы для окрашивания после того, как эмаль зубов была должным образом размягчена. Процесс размягчения эмали чаще всего является подготовительным и обычно предваряет процедуру окрашивания зубной системы у различных народов, населяющих Юго-Восточную Азию и другие регионы.

Как и листья бетеля, семена ареки содержат вещество, возбуждающее нервную систему – алкалоид ареколин, так что вполне возможно, что предки вьетнамцев изначально использовали ареку в качестве легкого наркотика. Тем не менее, очень трудно говорить о том, какое из свойств семян арековой пальмы – окрашивающее или тонизирующее – было признано полезным в первую очередь. Скорее всего, это произошло одновременно или почти одновременно.

Для чернения и прокрашивания зубов народы Юго-Восточной Азии использовали самые различные инструменты и вещества. Население Лаоса традиционно окрашивало зубы при помощи смолы, которую получали из скорлупы новогвинейского ореха (*лат.* Dracontomelon dao). На острове Ява с той же целью использовали красную жевательную смесь, изготовленную из коры альбиции²⁵. Во Вьетнаме методы чернения зубов также различались, даже если говорить о практиках, распространенных у *киней*, а не среди представителей малых этносов. Очевидно, такая вариативность была связана с доступностью компонентов окрашивающего состава, причем не только в контексте специфики флоры конкретной местности и этническим окружением ее жителей. Значение, безусловно, имел также и материальный достаток человека и его принадлежность к тому или иному социальному слою. Императорский двор, семьи чиновников и зажиточных горожан прибегали к услугам

самых лучших мастеров, которые практиковали сложные и изощренные способы окрашивания зубов. Качественные компоненты, входившие в состав вещества для чернения, умение мастера и его терпение (процесс подготовки зубов и окрашивания занимал немало времени) гарантировали хороший результат и относительную долговечность покрытия. Крестьяне вынуждены были довольствоваться простыми и дешевыми материалами, а прихода мастера в отдаленные деревни ждали с большим нетерпением, ведь зачастую требовалось не только окрасить зубы молодым девушкам и юношам, но и обновить покрытие у представителей старшего поколения. Известно, что особенно прославились мастера чернения зубов из города Хюэ, императорской столицы династии Нгуен в 1802–1945 гг. Среди ингредиентов, которые они использовали для окрашивания, были такие редкие и ценные, как порошок из слоновьего бивня. Отметим, что даже самые сложные и экзотические на взгляд простолюдинов методы чернения сохраняли базовые черты данной практики²⁶.

Процесс нанесения защитной пленки на зубную эмаль был многоэтапным и занимал несколько недель. Подготовительный этап состоял из очищения ротовой полости, зубы натирала золой, сухими листьями бетеля и другими порошкообразными смесями. После этого зубную эмаль необходимо было размягчить. Поскольку для этого использовались концентрированные разъедающие вещества, такие как сок лайма, спирт и др., процесс почти всегда был болезненным. Затем мастер наносил на зубы окрашивающее вещество²⁷.

Как правило, в состав активного вещества входила вытяжка из так называемых «китайских галлов» или «чернильных орешков» – паразитических наростов, которые собирают с листьев и стеблей сумаха китайского (*лат. Rhus chinensis*). «Чернильные орешки» содержат необходимый пигмент, благодаря которому состав приобретал насыщенный темный цвет. Кроме этого окрашивающее вещество включало в себя сульфат железа, измельченную кожуру граната и семена ареки катеху. Мастер равномерно наносил состав на листья банана или бетеля, а затем плотно прижимал к зубам с внешней и внутренней стороны. Подвергавшийся процедуре чернения или подновления

зубного покрытия вынужден был терпеть существенные неудобства и боль. После нанесения окрашивающего вещества надлежало держать рот открытым и не сдвигать накладки из листьев. Долгое время нельзя было принимать пищу и несколько дней стараться проветривать ротовую полость, чтобы состав подсох и закрепился. Через несколько дней процедуру повторяли.

После того, как основной процесс чернения был завершен, на зубы наносили кокосовое масло, чтобы придать им блеск²⁸. Именно этот гляцевитый блеск стал причиной распространения у французских авторов неверного по своей сути термина для обозначения практики чернения зубов у вьетнамцев – «laquage des dantes», то есть «лакирование зубов».

В числе наиболее ранних описаний традиций предков вьетнамцев называют китайскую историческую хронику «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань»). Данная хроника описывает события, происходившие в землях ханьской империи и за ее пределами в период с 25 по 200 гг. н. э. и в том числе описывает военные столкновения с населением древних вьетских государств. В частности, вооруженные конфликты между династией Цинь (прав. 221–207 гг. до н.э.) и Ванлангом (VII в. до н.э. – 258 г. до н.э.) стали для ханьцев поводом ознакомиться с образом жизни и обычаями своих южных соседей – древних вьетов²⁹. Согласно сведениям, содержащимся в «Хоу Ханьшу», жители Ванланга жевали бетель, а также использовали бетельные листья и семена арековой пальмы в свадебных обрядах. Примечательно, что черный цвет, в который вьетнамцы целенаправленно окрашивали зубы, ханьцы приняли за неизбежные последствия жевания бетеля.

Вопреки этим ошибочным выводам чернение зубов у населения Юго-Восточной Азии издревле представляло собой самостоятельную телесную практику. Окрашивание зубов было напрямую связано с ритуалами, знаменующими вступление индивида во взрослую жизнь, и в то же время являлось одним из важнейших способов самоидентификации посредством поэтапных изменений тела. Человек с черными зубами противопоставлялся животному, дикому зверю с зубами белыми, неокрашенными, т.е. не видоизмененными в ходе целенаправленных

практик. Кроме того, черные зубы на протяжении веков занимали значительное место в формировании эстетического понимания телесной красоты, в особенности женской.

До начала регулярных контактов с европейской цивилизацией черные (и нередко подпиленные) зубы позиционировались как признак половозрелого, физически привлекательного, полноправного и здорового члена социума. Таким образом, окрашенные зубы были явно предпочтительнее белых³⁰.

В языках целого ряда народов Юго-Восточной Азии сохранились поговорки, пословицы, сравнения и эпитеты, описывающие красоту и утонченность окрашенных зубов. На Малайском полуострове превозносили зубы «черные и блестящие, как крылья шмеля», во Вьетнаме – «черные, как семена сахарного яблока (*лат. Annona squamosa*)»³¹. В конце концов, из неперменного атрибута здоровой и привлекательной женщины (или мужчины) черные зубы превратились в образное выражение красоты вообще. Так, во Вьетнаме вплоть до первых десятилетий XX в. лицо традиционной красавицы описывалось как подобное разрезанному надвое плоду арбуза. Алая мякоть спелого арбуза сравнивалась с румянцем на щеках, семена – с глянцевицею поблескивающими черненными зубами.

Следует обратить внимание на характерное и интуитивно понятное вьетнамцу сочетание цветов, олицетворяющих красоту взрослой девушки, готовой вступить в брак. Черные зубы – как маркер половой и социальной зрелости, красные щеки – как показатель физического здоровья. Несмотря на то, что современные понятия о красоте предписывают вьетнамкам заботиться о белизне зубов, а отнюдь не об их поблескивающей лаком черноте, жительницы Вьетнама и по сей день склонны накладывать яркие, неестественного цвета румяна. Краситель наносится на внушительный слой тонального крема или пудры, заменившей белила. Не секрет, что румянец проступает отчетливее не на смуглой, а на более светлой коже. Таким образом, ярко-красные щеки традиционной вьетнамской красавицы косвенно указывают на еще один важнейший элемент понятия идеала женской внешности, а именно белизну лица и тела. С началом китайской зависимости (I–IX вв.) во Вьетнам проникли конфуцианские представления о теле и одежде. Ханьцы спо-

собствовали тому, что среди вьетнамцев, еще более смуглых, чем северяне, укоренилось представление о светлой коже как о более предпочтительной и красивой. Одежда императорского двора, аристократии и зажиточных горожан, которая стала изготавливаться по китайскому образцу, полностью скрывала тело и в полной мере отвечала стремлениям вьетнамцев уберечь кожу от загара³².

Таким образом, через мощное китайское влияние символическое значение окрашивания зубов во Вьетнаме, очевидно, приблизилось к тому комплексу смыслов, который вкладывался в эту практику японцами, то есть дальневосточными реципиентами ханьской культуры. (В Японии многослойная одежда, скрывающая тело и его изгибы, а также обычай прикрывать рот при смехе, чихании и т.д. не теряют своей актуальности и в наши дни.) Человек, надевающий предписанную одежду и к тому же надлежащим образом окрашивающий свои зубы, мог считаться еще более благочестивым и почитающим канон.

Со временем обычай чернения зубов, изначально распространенный у представителей обоих полов, стал превалировать среди вьетнамских женщин. Кроме того, что окрашенные зубы стали важнейшим элементом образа традиционной вьетнамской красавицы, они стали символизировать женские добродетели, предписываемые конфуцианской моралью – послушание мужу, желание угодить ему, быть красивой и обходительной. Такие коннотации проистекали из понимания традиции окрашивания зубов как обряда инициации. Чернение зубов означивало вступление девочки во взрослую жизнь, где для нее были определены новые роли и модели поведения – возлюбленной, невесты, а затем жены, матери, бабушки.

Известно довольно большое количество традиционных вьетнамских песен в жанре *ка зао*, посвященных практике чернения зубов. На их примере хорошо прослеживаются функции и символика окрашенных зубов у женщины и та роль, которую они играли в жизни молодых девушек и жен:

*В мужья стоит брать такого мужчину,
Который достоин того, чтобы ради него
Щеки румянить да зубы чернить³³.*

Приведенный выше фрагмент народной песни раскрывает суть обязанностей мужа и жены во вьетнамской семье³⁴. Мужчина заботится о материальном благополучии дома, на нем лежит ответственность за принятие важных решений и отправление ритуалов, женщине же надлежит подчиняться ему, радовать и вдохновлять своей красотой, тем самым выражая свою покорность. В этом смысле забота о собственной красоте является своего рода долгом жены перед достойным и благочестивым спутником жизни.

Часто черные зубы, бетель и арека во вьетнамских народных песнях фигурируют в контексте описания обрядов сговора, сватовства, ухаживания, что иллюстрирует символическую функцию практики зубных модификаций и употребления жевательных стимулянтов как своего рода маркеров половой зрелости и готовности девочки стать (и быть признанной) взрослой, здоровой женщиной, а также подчеркивает их эстетическое значение.

*Кто же, какой мастер окрасит мои зубы в черный цвет,
Чтобы я стала краше и милей, чтобы ты влюбился в меня без памяти?*³⁵

Эстетические соображения практики чернения зубов стали прямым продолжением гораздо более сложных и глубинных причин возникновения этой традиции. Функции сугубо практические тесно переплетались с ритуальными, социальными, антропоидентифицирующими.

Любые модификации зубной системы, будь то отбеливание, прокрашивание, подпиливание, инкрустация или удаление зубов, имеют свою пользу и вред для здоровья человека. Запад и Восток в этом смысле заняли прямо противоположные точки зрения. В то время как население Юго-Восточной Азии и других азиатских регионов исповедовало принцип прибавления, то есть применения защитных и укрепляющих зубную эмаль средств, европейцы, отказавшиеся от моды на черные зубы, принялись разъедать и истончать естественное покрытие зубов, чтобы придать им белый цвет.

Если говорить о методах отбеливания, то даже современные средства, применяемые с этой целью, наносят вред зубам, истончают и портят эмаль. Что до способов отбеливания зубов в прошлые эпохи, то знакомство с ними способно привести в ужас даже человека, далекого от медицины. Так, Нострадамус, имевший степень доктора медицины, советовал современникам использовать порошковую смесь хрусталя, кремня, белого мрамора, стекла и кальцинированной каменной соли³⁶.

Покрытие зубов долговечной защитной пленкой в процессе окрашивания, а также жевание бетеля, содержащего противомикробные и противопаразитарные вещества, в отличие от отбеливания, имели больше преимуществ. С одной стороны, чернение предохраняет зубы от различных механических повреждений (а не только от воздействия извести), с другой – бетель способствует поддержанию гигиены в полости рта и предотвращает возникновение различных болезней, вызванных микробами, обладает обеззараживающим действием, а согласно некоторым сведениям, даже благотворно влияет на желудок. Листья бетеля применяют при лечении ревматизма, в качестве пластыря и как средство от акне, причем используются не только сами листья, но и бетельная слюна³⁷. По-видимому, обезболивающий эффект бетельной жвачки также сыграл значительную роль в развитии древних стоматологических практик населения Юго-Восточной Азии.

И теперь еще в отдаленных провинциях Вьетнама можно встретить старух-жевательниц бетеля с черными как уголь зубами. Возраст этих женщин нередко достигает 80–85 лет, при этом они могут похвастаться тем, что сохранили большую часть зубов в целости. Жители средневековой Европы, между тем, зачастую теряли зубы к 40 годам и вынуждены были пользоваться протезами.

Тем не менее, при всех описанных преимуществах жевание бетеля может иметь крайне негативные последствия для здоровья. Бетельная жвачка может вызывать воспаление десен, а также подслизистый фиброз тканей полости рта – тяжелое хроническое заболевание с выраженной симптоматикой. Постоянное жевание бетеля также значительно повышает риск развития одной из форм рака – плоскоклеточной карциномы

слизистых и кожи. Среди взрослого населения Юго-Восточной Азии, практикующих жевание бетеля, необычайно высок процент людей, страдающих раком слизистых рта.

На Тайване подавляющее большинство больных этим видом рака, употребляют бетельную жвачку³⁸.

Тогда как дозированное использования бетеля и ареки может оказать благотворное влияние на здоровье зубов и ротовой полости, многолетняя привычка у людей, страдающих зависимостью от употребления этой смеси, способна поставить под угрозу их жизнь.

Истоки появления традиции чернения зубов следует искать отнюдь не только в ее практическом значении. Белые зубы у предков вьетнамцев, как и у многих народов региона, отождествлялись с агрессивной природой животного, а также с нечистой силой. В особенности это касалось клыков и резцов, которые выдавались вперед и отличались по форме и размеру от коренных зубов. В этом смысле европейские представления об острых зубах обнаруживают определенное сходство. И в западной культуре острые белые зубы ассоциировались с чем-то хищным, враждебным, опасным, разбойничьим. В культовом готическом романе Брэма Стокера «Дракула», оказавшего сильнейшее влияние на европейскую литературу ужасов, и сам граф-вампир, и нечисть, находящаяся у него в подчинении, описываются как обладатели необычно белых острых зубов: «Рот (Дракулы – прим. авт.), насколько я мог разглядеть под густыми усами, был решительный, даже на вид жестокий, а необыкновенно острые белые зубы выдавались вперед между губами, чья примечательная красота свидетельствовала об удивительной для человека его возраста жизненной силе»³⁹. Даже сам пейзаж, который главный герой наблюдает по пути в зловещий замок графа, описывается через метафору острых белых зубов: «<...> густо-синими и лиловыми были тени, падавшие от вершин, зеленое и коричневое виднелось там, где на скалах пробивалась трава, и бесконечная череда зубчатых скал и острых утесов терялись вдаль, где величественно вздымались снежные вершины»⁴⁰.

В славянских языках фразеологизм «точить зуб» имеет значение испытывать злобу, желание навредить кому-то. Во

французском языке есть сходное выражение – «иметь зуб на кого-то» ('avoir une dent de lait contre quelqu'un')⁴¹.

Описание злого, жестокого человека или нечисти через зооморфную метафору характерно и для европейцев, и для представителей традиционных обществ Востока, однако здесь существует значительное символично-функциональное различие. Для западного человека острые зубы в принципе ассоциируются с чем-то животным и оттого угрожающим, для населения азиатских регионов важно скрыть различия между клыками (иногда резцами) и остальными, «более человеческими» зубами. Именно эти цели преследовал распространенный на индонезийских островах обычай подпиливать клыки⁴². При этом все зубы могут быть подпилены, сточены или даже заострены.

Следует отметить, что клыки и когти во вьетнамской культуре ассоциировались со звериным началом не только в негативном смысле, но и могли быть метафорой подготовки к битве, вооружения, праведной готовности отомстить или защитить себя. На страницах сборника старинной вьетнамской прозы «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы находим такие строки, обращенные к канцлеру Кюи Ли: «Отчего всеблагой мудрец не натянет тетиву лука, почему Сын неба не обнажит меч? Не лучше ли милосердием умиротворить разбойников, а справедливость сделать своим рулевым веслом; отважных воителей уподобить своим клыкам и когтям, а из верности сотворить панцирь и шлем?»⁴³. Очевидно, что здесь описание армии императора как его когтей и клыков напрямую связано с традицией уподобления/отождествления государя с драконом. Дракон, наряду с фениксом, единорогом и черепахой входил в число наиболее почитаемых китайцами и вьетнамцами священных животных, и приписывание человеку их качеств всегда имело позитивные коннотации.

В том же сборнике Нгуен Зы, в «Рассказе о тяжбе в Драконьих чертогах» в уста Главного письмовода Судебной палаты вложено следующее изречение, принявшее форму пословицы: «Как говорится, остря клыки и когти, не расколи кувшина и не порушь изгороди»⁴⁴.

В этом эпизоде слова чиновника не относятся к регалиям императорской власти и божественной, звероподобной природе государя, а носят характер народной мудрости.

Для представителей многих азиатских народов издревле важно было не только «скрыть» клыки, но и в целом добиться заметного визуального отличия зубов от звериных, что и достигалось окрашиванием. Половозрелые юноши и девушки, пройдя обряд окрашивания зубов, одновременно становились полноправными членами общества (и в целом идентифицировались как «настоящие люди») и приобретали ценные с точки зрения социума внешние качества, свидетельствующие об их здоровье, красоте и готовности вступить в любовные отношения, а затем и в брак. Черненные зубы существенно повышали шанс человека найти подходящего партнера для дальнейшей самостоятельной жизни. Этот аспект значения модификаций зубной системы вновь отсылает нас к той тесной связи, которая наблюдается между чернением зубов и жеванием бетеля.

Соединяясь, плоды ареки и листья бетеля, одновременно вызывают слюноотделение, окрашивание слюны и приятный возбуждающий, тонизирующий эффект, что в культурах Юго-Восточной Азии неизменно связывалось с соитием мужчины и женщины, ухаживанием, вступлением в любовные отношения, а также свадебными ритуалами. Твердые семена арековой пальмы ассоциируются с мужским началом, а мягкие листья бетеля, в которые заворачиваются плоды, с женским. Красная слюна, которая вырабатывается в процессе жевания, традиционно связывалась с мужским семенем, кровью, жизненной субстанцией. Сексуальные коннотации обычая жевания бетеля хорошо прослеживаются во вьетнамском языке на примере различных устойчивых выражений, метафор, пословиц, а также традиционных песен *казао*. Благочестивые родители дают своим дочерям такие советы: «Ни в коем случае не принимай бетельную жвачку от незнакомца»⁴⁵.

В ходе знакомства или обряда сватовства юноша и девушка по очереди обменивались репликами-строчками из песен. В одном фрагменте такого песенного диалога девушке полагалось исполнить такие строки:

*Есть у меня бетель, но нет ареки,
Чтобы губы наши окрасились в красный цвет...*⁴⁶

Юноша отвечал следующим образом:

*Войди в сад, сорви молодые плоды ареки,
Вижу я, что ты, очаровательная девушка,
Хочешь соединиться со мной брачными узами*⁴⁷.

Символизм ареки и бетеля, отождествляемых с плотью и кровью супругов, страстью, любовью, преданностью и семейными узами в полной мере отражены в классическом сюжете о происхождении бетельной жвачки из сборника старинной вьетнамской прозы XIV в. «Дивные повествования земли Линьнам» (*вьет.* Lĩnh Nam chích quái). Согласно легенде о возникновении обычая жевать бетель и ареку вместе с известью, необходимые ингредиенты для изготовления жвачки появились из человеческой плоти, а именно из тел братьев Тана, Ланга и жены Тана – Лиен во времена правления полулегендарной династии Хунг-выонгов (III тыс. до н.э. – 258 г. до н.э.). Рано осиротевшие Тан и Ланг нежно любили и поддерживали друг друга во всем. Уже будучи взрослыми, братья познакомились с прекрасной девушкой, которая попросила у родителей дозволения выйти за старшего, Тана. Ланг остался жить вместе с братом и его молодой женой, страдая от того, что Тан совсем позабыл о нем, охваченный любовью к супруге. Однажды, из-за пустого недоразумения Тан разозлился на Ланга, обвинив его в том, что он домогается любви его жены. Не в силах оправдать себя, младший брат бежал из дома и умер в скитаниях, дойдя до берега реки. Его тело обратилась в известняк. Тоскуя по изгнанному брату, Тан пришел к месту его гибели и уснул вечным сном. Его плоть стала арековой пальмой, выросшей рядом с известняковым камнем. Лиен, не вынеся разлуки с мужем, нашла тот самый берег реки, где умерли братья, и от горя стала лозой бетеля, обвившей ареку⁴⁸.

Примечательно, что в сюжете фигурирует не только супружеская любовь, но и братская. Таким образом подчеркивается, что семья строится в равной степени на кровных узлах и на

нерушимом союзе мужа и жены. Три ингредиента, без которых невозможно приготовить бетельную жвачку, символизируют три силы, необходимые для процветания дома: любовь супруга, верность женщины и почтительное отношение к родственникам.

И по сей день бетель и арека являются неизменными атрибутами обряда сватовства у вьетнамцев. Ни одна, даже самая современная европеизированная свадьба не обходится без ритуальных подарков – семья жениха обязана подарить семье невесты несколько десятков свертков бетельной жвачки. В прошлом количество листьев бетеля и семян ареки могло достигать двух-трех сотен. Кроме того, жених и невеста сами жуют бетель во время обряда сватовства, бетель предлагается и гостям, пришедшим на свадьбу⁴⁹.

Вплоть до XX в. краска для чернения зубов, преподнесенная девушке юношей – как и бетельная жвачка – символизировала ухаживание. Во Вьетнаме юноши и девушки начинали чернить зубы и жевать бетель по достижении половой зрелости. В пубертатный период тело подростка подвергается ряду сложных, тесно связанных между собой изменений – как скрытых, так и хорошо заметных для глаз соплеменников. Появляются вторичные половые признаки: начинается активный рост волос на теле, у юношей ломается голос, различия в телосложении девочек и мальчиков становятся все более очевидными. Чернение зубов в этом контексте становится заключительным этапом взросления, еще одним, последним, визуальным маркером, выражающим переход из детского возраста во взрослый.

Вполне возможно, что практика окрашивания зубов возникла как естественное продолжение обычая жевания бетеля. Плоды арековой пальмы, которые традиционно входят в состав бетельной жвачки, также входили в состав смеси для окрашивания зубов, использовавшейся предками вьетнамцев. Тем не менее, краситель, содержащийся в семенах ареки, сам по себе не обладает ни насыщенным цветом, ни стойкостью. Окрашивающие вещества, содержащиеся в плодах ареки, оставляют на зубах темно-бурые следы. Можно предположить, что с началом периода пубертата юноши и девушки получали дозволение жевать бетельную жвачку, и тогда их зубы постепенно окрашива-

лись в неяркий и нестойкий цвет, что символизировало их созревание. Затем зубы покрывали уже стойким составом насыщенного черного цвета, то есть подвергали зубную систему фактически необратимым изменениям. Данная телесная модификация означала полноправное и окончательное вступление индивида в общество в качестве взрослого, здорового человека, готового к супружеству и рождению потомства.

Еще один важный культурный аспект жевания бетеля – социально-коммуникативный. Кроме чисто психофизиологического воздействия жвачки (состояние легкой эйфории помогает расслабиться, преодолеть стеснение и, как следствие, завязать непринужденную беседу), важную роль играет само взаимодействие участников коммуникационного процесса, их пол, возраст, социальный статус, а также условия, при которых бетель предлагается человеку или группе людей. В то же время бетель символизирует речевой акт, говорение вообще, отсутствие напряженности, конфликта, благополучие и согласие между предлагающим жвачку и принимающим ее.

Социальные функции бетельной жвачки отражены в распостраненной вьетнамской поговорке: бетель – начало любой беседы (*вьет. Miếng trầu là đầu câu chuyện*). Вьетнамские авторы отмечают, что если человек принимает предложенную жвачку, то между одариваемым и дарящим возникает тесная связь, которую можно обозначить как «долг», «моральные обязательства» (*вьет. nghĩa*)⁵⁰. *Nghĩa* во вьетнамской культуре – аналог конфуцианской этико-философской категории 義 (yì), которая входит в комплекс пяти главных добродетелей благородного мужа. И во вьетнамском, и в китайском языке это понятие может трактоваться по-разному – как «долг», «смысл», «значение» и, что примечательно, как «дружеские отношения», т.е. некая связь между людьми, соединенными определенными обязательствами по отношению друг к другу. Согласие принять бетель от незнакомого или мало знакомого человека бетель «обязывает тебя приветствовать одарившего при каждой встрече»⁵¹. Предложить бетель и чай пришедшему гостю – священный долг хозяина дома. Бетель дарят не только гостям на свадьбе, но и пришедшим на поминки, тем самым благодаря их за

внимание к усопшему и еще более укрепляя свою связь с ними. Свертки бетельной жвачки вплоть до конца XX в. являлись непременным атрибутом подношений на алтаре предков наряду с вареным рисом, цветами, водой или алкоголем, а также фруктами. Бетель в данном контексте выступал, с одной стороны, как важный элемент полноценной, сытой, полной удовольствий жизни, и вместе с молитвами и благодарностями в числе других яств и подношений переносился в загробный мир, чтобы усопшие ни в чем не нуждались, а с другой – выражал все тот же комплекс значений морально-философской категории *nghĩa*, *то есть сыновний долг перед родителями*.

Процесс отказа от практики чернения зубов начался на рубеже XIX – XX вв. и затронул в первую очередь жителей больших городов, преимущественно мужчин. Юноши из прогрессивных семей, изучавшие французский язык и впоследствии занимавшие различные посты при колониальном правительстве, стремились следовать западным образцам поведения и телесной этики. В таких крупных городах, как Ханой, Сайгон, Хюэ, Хайфон и др., традиция чернения зубов уходила в прошлое очень быстро. В отличие от традиционного костюма *áo zai*, модернизированного вьетнамскими художниками в первые десятилетия XX в., и некоторых других элементов одежды и украшений (например, конусообразной шляпы *non*, женских тюрбанов, нательного топа *áo yếm*), черненные зубы постепенно превращались в пережиток прошлого, которому не нашлось места в современном обществе⁵². Мощное влияние западной культуры во всех сферах жизни вьетнамцев стало причиной широкомасштабных изменений в сфере телесной культуры и канонов красоты – в первую очередь, женской. Подражая европейцам, вьетнамцы начали заботиться если не о белизне зубов, достигнутой различными болезненными операциями, то, по крайней мере, о сохранении естественного состояния зубной эмали, не окрашенной и не испорченной известью, входящей в состав бетельной жвачки, и не покрытой слоем черной краски.

К середине XX в., т.е. к окончанию борьбы против французской колонизации, подавляющее число молодых юношей и девушек не чернили зубы и не употребляли бетель и ареку в качестве постоянного жевательного стимулянта. Тем не менее,

девушки в сельской местности, особенно в районах, значительно отдаленных от городов, продолжали окрашивать зубы, подражая своим бабушкам и матерям – жевательницам бетеля. Длительное сохранение уходящей в прошлое практики среди деревенских женщин вполне объяснимо. Во-первых, телесные практики и элементы материальной культуры, имеющий к ним непосредственное отношение, у мужчин обычно легче и быстрее нивелируются и теряют национальные особенности, в то время как женский костюм, головные уборы, татуировки, украшения и пр. дольше сохраняют архаичные черты⁵³. Во-вторых, в отдаленных областях Вьетнама, где население и по сей день зачастую испытывает недостаток в квалифицированной медицинской помощи, практика чернения зубов продолжала сохранять свою актуальность в сугубо практическом смысле, особенно среди женщин, пристрастившихся к жеванию бетеля.

К концу XX в. западные взгляды, касающиеся красоты и здоровья зубов, полностью одержали верх над традиционными. Восприятие практики чернения зубов как обряда инициации, а также как атрибута женской красоты и добродетели сменилось отторжением, характерным для представителей западного общества, где белизна зубной эмали (даже неестественная) позиционируется как показатель здоровья, молодости, телесной привлекательности. Привычка жевать бетель в повседневной жизни – ради удовольствия, за разговором, после еды и т.д. – также практически полностью исчезла. На смену бетельной жвачке пришли сигареты и жевательные резинки из несъедобной эластичной основы с различными вкусами и ароматизаторами, которые успешно заняли соответствующую культурную и продовольственную нишу. Кроме того, среди современных вьетнамцев по-прежнему распространены такие традиционные практики, как курение табака через воду при помощи бамбуковой трубки, употребление национальных алкогольных напитков – рисового, кукурузного самогона, различных настоек на травах, змеях, насекомых и т.д. Бетель и арека по-прежнему используются в ходе традиционных праздников, молений и обрядов, однако утратили свои функции жевательного стимулянта, помогающего завязать беседу, должным образом поприветствовать гостя или просто скоротать время.

О распространенности практики использования бетеля в современном Вьетнаме можно судить по тому, в какого рода местах продаются ингредиенты, входящие в ее состав, а также утварь для приготовления и хранения жвачки. В Ханое ареку и бетель можно приобрести на больших рынках, таких как Донгсуан и Тёхом в районе Хайбачынг, а также в традиционных лекарственных магазинах – преимущественно на улице Тхуокбак. В аптеках бетельная жвачка никогда не продается, однако можно встретить различные лекарственные средства на основе вытяжки из листьев бетеля и семян арековой пальмы в виде таблеток, порошков и суспензий. В лавках травников и целителей бетель и арека также продаются в качестве лекарственных препаратов. Что касается пищевых рынков, то там можно увидеть как отдельные ингредиенты, входящие в состав бетельной жвачки, так и готовые свертки. Торговцы поясняют, что обычно бетельную жвачку в свертках покупают оптом для обряда сватовства, празднования свадьбы, для подношений предкам и похоронных церемоний. В сельской местности бетель можно увидеть на утренних рынках. Жвачку покупают не только *кини*, но и представители малых народов Вьетнама – *мыонги*, *кхмеры* и др. Изредка можно встретить пожилых женщин 70–85 лет, покупающих ареку, бетель или готовые свертки для ежедневного употребления, а не только для подношений и подарков.

Утварь для приготовления и хранения бетельной жвачки разнообразна и изыскана. Даже предметы из недорогих и доступных материалов выполняются с большой выдумкой, старанием и любовью к делу. В Историческом музее г. Ханоя, а также во Вьетнамском этнографическом музее хранятся десятки наборов и отдельных предметов, имеющих отношение к практике жевания бетеля и чернения зубов.

Для приготовления бетельной жвачки, ее удобного и правильного хранения необходим ряд инструментов и емкостей⁵⁴. Нередко эти предметы составляют набор, выполненный в едином стиле, в который могут входить ножи или ножницы для разрезания сушеных плодов ареки, ступа и пестик для их измельчения, всевозможные коробочки для сортировки и хранения ингредиентов (по отдельности или вместе), плевательница, шпатель для намазывания извести на бетелевый лист, а также

поясная сумка для уже готовых свертков. Нередко листья бетеля и семена ареки хранятся вместе, а известь – в отдельной керамической емкости. Религиозные представления, природа в каждой конкретной местности, эпоха и этнокультурное окружение мастера способны породить множество форм, цветов, разнообразных деталей и вариантов декора. Утварь для бетеля во Вьетнаме воплотила в себе многовековые традиции ремесленного мастерства и неистощимую человеческую фантазию. Известны самые различные формы и размеры коробочек для хранения ингредиентов жвачки: квадратные, прямоугольные, круглые, в форме зверей, овощей, фруктов, а также в виде полумесяца⁵⁵. Для изготовления емкостей, предназначенных для бетелевой жвачки и извести, могут использоваться золото, серебро, алюминий, железо, бронза и другие металлы, ротанг, бамбук. Ценность и особенности декора утвари говорят о социальном статусе и материальном положении владельца. Крестьяне и небогатые горожане традиционно использовали утварь из бамбука, ротанга и дешевых пород дерева, в то время как зажиточные вьетнамцы и аристократия становились обладателями настоящих произведений искусства из дорогих металлов и дерева, покрытого лаком и украшенного перламутром. Считается, что одним из самых красивых и подходящих материалов, из которых может быть изготовлена коробочка для хранения бетеля – легкое и прочное дерево, покрытое лаком (обычно красного цвета) и украшенное золотом, гравировкой, инкрустацией перламутром или яичной скорлупой, лепкой, отливкой. Зачастую несколько способов декорирования применяются одновременно.

В наши дни утварь для бетеля во Вьетнаме можно приобрести без особого труда, что говорит скорее не о распространенности ее использования, а о возрастающем интересе туристов и путешественников к вьетнамской традиционной культуре. Недорогие коробочки для бетеля и извести представлены на прилавках городских магазинов, торгующих сувенирной продукцией, в то время как в антикварных лавках за внушительную сумму можно приобрести старинное изделие из ценных материалов. Сами вьетнамцы довольно редко покупают пред-

меты для изготовления и хранения бетеля, поскольку такая утварь, как правило, передается по наследству.

С уверенностью можно говорить о том, что в наши дни традиция жевания бетеля исчезает, однако отношение к ней современных вьетнамцев гораздо более уважительное и даже трепетное, нежели к ушедшей в прошлое практике чернения зубов. Символика бетеля и ареки интуитивно понятна как вьетнамскому крестьянину, так и жителю города, поскольку бетельная жвачка продолжает использоваться в религиозных ритуалах, обрядах и празднованиях. Традиционные вьетнамские песни *ка зао*, пословицы, поговорки и загадки, в которых фигурирует бетель, все еще звучат не только со сцен театров, храмов, общинных домов, но и из уст простых людей. Что касается практики окрашивания зубов, то новая эстетика, ориентированная на западные идеалы красоты, диктует свои взгляды на красоту и здоровье тела. Вьетнамская красавица с блестящими черными зубами навсегда осталась в прошлом, а сложные функции, символика и смыслы традиции окрашивания зубов, оказались забыты и вытеснены из вьетнамской культуры.

¹ *Zumbroich T.J.* 'The missī-stained finger-tip of the fair': A cultural history of teeth and gum blackening in South Asia // *eJournal of Indian Medicine*, vol. 8, 2015. P.1.

² *Чеснов Я.В.* Историческая этнография Индокитая. М., 1976.

³ Календарные обычаи и обряды стран Юго-Восточной Азии / Ред. Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков. М., 1993.

⁴ *Станюкович М.В.* Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // *Маклаевский сборник*, вып. 5 / Отв. ред. М.В. Станюкович. СПб., 2015.

⁵ См. напр.: *Zumbroich T.J.* The origin and diffusion of betel chewing: a synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond // *eJournal of Indian Medicine*, vol. 1, 2007–2008.

⁶ *Zumbroich T.J.* Op. cit. 2015. P.1.

⁷ *Васильков Я.В.* Употребление бетеля в Индии по данным древних письменных источников. // *Маклаевский сборник*, вып. 5. С. 18–19.

⁸ *Лебедева А.А.* Кава в Восточной Микронезии. // *Маклаевский сборник*, вып. 5. С. 111–112.

- ⁹ Казанков А.А., Попов В.А. Орехи кола в традиционной культуре народов Западной Африки. // Маклаевский сборник, вып. 5. С. 127–129.
- ¹⁰ Enjou P. d'. Coloration dentaire des Annamites // Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, 9. Paris, 1898. P. 466–469.
- ¹¹ Русские во Вьетнаме. Очерки и путевые заметки (XIX - начало XX в.) / А.А. Соколов: составление, предисловие, комментарии. М., 2007.
- ¹² Соколов А.А. Азиатский круг князя Вяземского // Восточная коллекция. М., 2003. №1. С. 53.
- ¹³ Станюкович М.В. Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Маклаевский сборник, вып. 5. С. 252.
- ¹⁴ Там же. С. 250–251.
- ¹⁵ Русские во Вьетнаме. С.181.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ Дискуссия о связях двух практик – жевания бетеля и чернения зубов – началась еще на рубеже XIX–XX вв.; многие вопросы касательно различных аспектов данных обычаев не теряют своей актуальности и по сей день. См., напр.: Holbe M.T.-V. A propos des dents noires des Annamites et de la chique de betel. Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, 9 (5–6). Paris, 1908. P. 671–678. ; Meyer A.B. Das Feilen der Zähne bei den Bewohnern des Ostindischen Archipels, speciell bei den Javanen. Das Ausland, 21, 1883. P. 401–405.
- ¹⁸ Минина Ю.Д. Обычай чернения зубов во Вьетнаме: функции и символика в контексте телесной культуры // Теория моды, вып. 40. М., 2015. С. 130.
- ¹⁹ Trumble A. A Brief History of the Smile. NY., 2004. P. 66.
- ²⁰ Танидзаки Д. Похвала тени. М., 2001. С. 557–588.
- ²¹ Zumbroich T.J., Op. cit. P.102–103.
- ²² Zumbroich T.J. The origin and diffusion of betel chewing: a synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond // eJournal of Indian Medicine, vol. 1, 2007–2008. P.103–111.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Oxenham M.F., Locher C., Nguyen Lan Cuong, Nguyen Kim Thuy. Identification of Areca catechu (betel nut) residues on the dentitions of Bronze age inhabitants of Nui Nap, northern Vietnam // Journal of Archeological Science, 29 (9), 2002. P.909–915.
- ²⁵ Zumbroich T.J. Op.cit. P.384–388.
- ²⁶ Ibid. P.390–391.
- ²⁷ Минина Ю.Д. Указ. соч. С.136–137.
- ²⁸ Huard P. Teeth-blackening in Eastern Asia and Indo-China // Asia: Asian quarterly of culture and synthesis, 1(2). Paris, 1951. P. 197–205.

²⁹ *Maspero H.* Etudes d'histoire d'Annam: Le Royaume de Van Lang // Bulletin de L'Ecole Française d'Extrême-Orient, 18 (3). Paris, 1918. P. 1–10.

³⁰ *Zumbroich T.J.* Op. cit. P. 391.

³¹ *Andaya. B.W.* The Flaming womb: Repositioning women in early modern Southeast Asia. Honolulu, 2006. P. 499–518.

³² *Минина Ю.Д.* Традиционный вьетнамский костюм: сфера использования и исторический контекст (конец XX– начало XXI в.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, вып. 30 / Отв. ред. Н.П. Малетин. М., 2016. С. 177–178.

³³ Здесь и далее перевод автора. Оригинальный текст песни ка зао:
 Lây chồng cho đáng tâm chồng,
 Bõ công trang điểm má hồng răng đen.
Ca dao, tục ngữ Việt Nam // Tiểu luận ca dao, ph. 1–4. URL:
<http://cadaotucngu.com/cadaodoor.htm> (дата обращения: 11.12.2015).

³⁵ Оригинальный текст песни ка зао:
 Răng đen ai nhuộm cho mình
 Cho duyên mình đẹp, cho tình anh say?
Mã Giang Lân. Tục ngữ ca dao Việt Nam. HN., 1993. URL:
<http://sinhvienthainguyen.edu.vn/chi-tiet/tuc-ngu-ca-dao-viet-nam-46861.html> (дата обращения: 09.07.2016).

³⁶ *Станюкович М.В.* Указ. соч. С.248–249.

³⁷ *Hữu Ngọc.* Wandering through Vietnamese Culture. HN., 2008. P. 255.

³⁸ Betel-Quid and Areca-nut Chewing. International Agency for Research on Cancer, supported by the World Health Organization publication. Lyon, 2004, P.119–120.

³⁹ *Стокер Б. Дракула.* CloudBooks [Электрон. изд.], 2014. С. 15. . URL:
<http://bookscloud.ru/literatura-19-veka/37-drakula.html> (дата обращения: 2.08.2016).

⁴⁰ Ibid. С. 8–9.

⁴¹ *Брилева И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

⁴² *Forge A.* Tooth and fang in Bali // Canberra Anthropology, 3 (1). Canberra, 1980. P. 1–16.

⁴³ *Нгуен Зы.* Пространные записи рассказов об удивительном. Старинная вьетнамская проза / пер. с вьет. М. Ткачева. М., 1974. С. 164.

⁴⁴ Ibid. С. 49.

⁴⁵ *Hữu Ngọc.* Wandering through Vietnamese Culture. HN., 2008. P. 256.

⁴⁶ Оригинальный текст ка зао:

Có trâu mà chẳng có cau
 Làm sao cho đỡ môi nhau thì làm...

Ibid.

⁴⁷ Оригинальный текст ка зао:

Vào vườn hái quả cau non

Anh thấy em giòn muốn kết nhân duyên.

Mã Giang Lôc. Tục ngữ ca dao Việt Nam. HN., 1993. URL:

<http://sinhvienthainguyen.edu.vn/chi-tiet/tuc-ngu-ca-dao-viet-nam-46861.html> (дата обращения: 09.07.2016).

⁴⁸ *Truyện cây cau*. Lĩnh Nam Chích Quái, ph. 1. // Trần Thế Pháp (biên tập), Vũ Quỳnh (hiệu đính), Kiều Phú (sản dịch). HN., 1960. URL:

<http://www.maxreading.com/sach-hay/linh-nam-chich-quai/phan-1-39850.html> (дата обращения: 1.08.2016).

⁴⁹ *Hữu Ngọc*, 2008. P. 256.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² *Минина Ю.Д.* Обычай чернения зубов во Вьетнаме: функции и символика в контексте телесной культуры // Теория моды, вып. 40. М., 2015. С. 138–139.

⁵³ *Гаген-Торп Н.* Женская одежда народов Поволжья. (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 3–6.

⁵⁴ *Родина Ж.В.* Традиция жевания бетеля во Вьетнаме // Маклаевский сборник, вып. 5 / Отв. ред. М.В. Станюкович. Спб., 2015. С. 67–68.

⁵⁵ Ibid.